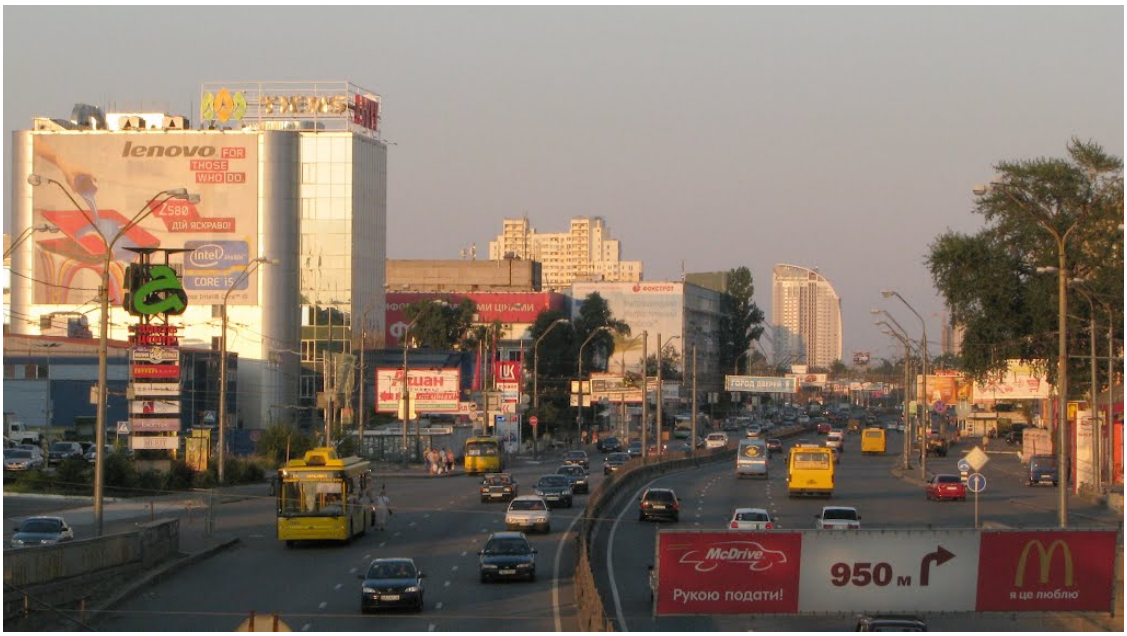
Приблизил ли проспект Бандеры Украину к Европе - или чем чревата декоммунизация по-советски

Бывший Московский проспект (ныне — Бандеры)

Проспектом Бандеры в Киеве не возмутился/восхитился/изумился только ленивый. Нет смысла ретранслировать аргументы сторон, да и оценку мнимым или реальным преступлениям этого исторического персонажа должны дать историки. Речь о другом. Не о прошлом — о настоящем. О том, какой видят Украину ее сограждане. Если идеалом для нас является тоталитарное государство вождистского типа с радикальной идеологией в духе 1930-х, то Бандера, безусловно, может стать символом такого государства. Но тогда придется оставить риторику о верности европейским ценностям, которые в нынешнем их изводе глубоко чужды идеям лидера ОУН.

Если идеалом для нас является тоталитарное государство вождистского типа, то Бандера, безусловно, может стать символом такого государства

Имеет ли право Украина на свой особый, третий путь? Безусловно. Вправе ли она решать, кто является ее национальным героем? Разумеется. Только при этом общество должно осознавать, что ему придется отстаивать свой выбор — не перед Москвой — перед всем миром, который вовсе не обязан помогать стране, чей выбор ему — цивилизованному миру — малопонятен.

Мне возразят, мол, Бандера для многих украинцев — просто символ борьбы за независимость Украины — не больше, но и не меньше. Это логично, но мы ведь поморщимся, если где-нибудь именем Дзержинского будет назван проспект на том лишь основании, что для многих он является символом вовсе не кровавой ЧК, а борьбы с беспризорностью…

Удостоверение Степана Бандеры, 1946

Марка, выпущенная к 100-летию со дня рождения Бандеры

Лидер ОУН — продукт своего времени с его культом насилия и тактикой революционного террора, принуждавший «собственный народ мыслить

политически». На процессе 1936 года, когда Бандеру судили за организацию убийства министра внутренних дел Польши Перацкого, он подчеркивал, что «наша идея столь величественна, что ее реализации можно посвятить не единицы, не сотни, а миллионы жертв». Знакомые мотивы, не правда ли?

Бандера, действительно, боролся за независимость Украины, при этом большую часть жертв ОУН в 1930-е годы составили именно этнические украинцы. Кого киевский городской совет хотел уесть, переименовывая Московский проспект в проспект Бандеры? Москву? Но Москва лишь довольно потирает руки — она приложила немало усилий, убеждая себя и мир, что власть в Киеве захватила хунта, верная идеалам того, чье имя носит сейчас один из крупнейших проспектов украинской столицы. И уже никого не интересует, что однопартийный авторитарный режим, где государство и нация — все, а личность — ничто (а именно так это видел Бандера), — для подавляющего большинства украинцев вовсе не та страна, в которой они хотели бы жить.

> ***Бандера, действительно, боролся за независимость Украины, при этом большую часть жертв ОУН в 1930-е годы составили именно этнические украинцы***

Можно удивляться реакции Польши, недоуменно вскидывать брови, читая заявление вице-президента Всемирного еврейского конгресса, — все это крайне неприятно, но вполне предсказуемо — на международной арене решение Киевсовета еще будет иметь последствия. Но главное сегодня — честно ответить самим себе: какую Украину мы хотим построить. Не станет ли Украина Бандеры (многие ли киевляне о ней мечтают?) «Россией наоборот»? Достаточно ли у нас воли и готовности жить в открытом обществе, объединенном более глубокими ценностями, чем противостояние «любимому врагу»? И если нет, то в чем тогда наше цивилизационное преимущество?

В каждой стране есть улицы, названные в честь неоднозначных фигур прошлого. В Израиле никого не возмущают топонимы с именем лидера ЛЕХИ Яира Штерна, чья группа не брезговала террором для борьбы с английским мандатом. В данном случае принципиален масштаб — Яир и тогда — в 1940-х, и сегодня — фигура второго ряда в национальном пантеоне, чье значение в становлении израильской государственности несопоставимо с вкладом Хаима Вейцмана или Давида Бен-Гуриона. В еврейском националистическом дискурсе Яир — далеко не «наше всё». Он занял подобающее место среди многочисленных борцов за независимость Израиля, его имя не стало заложником конфликта памятей и не используется в современной политической игре, поэтому и не раскалывает социум, как это происходит в случае с Бандерой.

При этом в стране достаточно людей, боровшихся за независимость Украины, чьи имена в названиях улиц объединяли бы общество и отражали бы ценности свободы, культурного и ментального плюрализма — все то, что мы называем европейским выбором. Достаточно вспомнить, что основной этнической группой среди советских диссидентов и политзаключенных в 1960-е — 1980-е годы были именно украинцы. Неужели взгляды Леонида Плюща и Виктора Некрасова, Ивана Светличного и Гелия Снегирева, Юрия Литвина и Олексы Тихого в меньшей степени созвучны современной Украине, чем идеи Бандеры?

Уверен, что это не так. Понимают это и те, кто проголосовал за свежеобретенный Киевом проспект Бандеры. Что не мешает им действовать в рамках старой советской логики, пытаясь втиснуть новые символы в старые схемы. Последствия такой декоммунизации по-советски предсказать сложно, но пока переименование Московского проспекта в проспект Бандеры приблизило нас скорее не к Брюсселю, а к Москве…

Михаил Гольд